

внешне видимая часть храма напоминает архитектурный облик церквей распространенных в XI–XII вв. в Полоцке, Новгороде и Киеве.

Сегодня требуется тщательная, бережная реставрация гродненских храмов XII–XVI вв. как памятников историко-культурного наследия и христианских святынь. Она не только сохранит подлинность материалов и фактур, но и способствует воссозданию утраченных элементов, и, при возможности, использованию древних храмов по их функциональному значению. Сохранение этого богатого историко-культурного наследия – дело государственной важности, обусловленное многими факторами – от материальных и финансовых до развития туристической сферы Республики Беларусь.

1. Кишик, Ю. Генеральные планы исторических центров городов. Гродно / Ю. Кишик. – Минск : Минстиппроект, 2007. – С. 23–24, 78; Кишик, Ю. Градостроительная культура Гродно / Ю. Кишик. – Минск : Беларуская навука, 2007. – 303 с.; Кишик, Ю. Градостроительное наследие Беларуси. Гродно: атлас архитектурных чертежей и рисунков: учебно-метод. Пособие / Ю. Кишик. – Минск : Выш. школа, 2012. – 287 с.; Кишик, Ю. Силуэт города: развитие системы высотных доминант / Ю. Кишик. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 327 с.
2. Кудряшев, В. Архитектура города Гродно: исследование развития архитектуры города с XII по XX век: дисс. ... кандидата искусствоведения: 17.00.00. – М., 1959. – 247 с.; Кудряшев, В. И. Гродно / В. И. Кудряшев. – М. : Госстройиздат, 1960. – 128 с.
3. Квитницкая, Е. Планировка Гродно в XVI–XVIII веках / Е. Квитницкая // Архитектурное наследство. – М., 1964. – Вып. 17. – С. 22–23; Квитницкая Е. Центры городов Белоруссии в XVI – первой половине XIX века / Е. Квитницкая // Архитектурное наследство. – М., 1983. – Вып. 31. – С. 30–31.
4. Гардзееў, Ю. Гарадзенскія ўрбанонімы 16–18 стст. / Ю. Гардзееў // Гарадзенскі гадавік: навуковы часопіс. – 2013. – № 2. – С. 30–47; Гардзееў, Ю. Магдэбургская Гародня / Ю. Гардзееў. – Гродно-Вроцлав, 2008. – С. 93; Гардзееў, Ю. Тапанімія старажытнай Гародні (XII–XVIII стст.) / Ю. Гардзееў. – Гродно, 2013. – С. 73–93; Гордеев, Ю. Эволюция урбанонимии Гродно в XVI–XVIII вв. и семиотика городского пространства / Ю. Гордеев // XVIII amžiaus studijos 1 Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė: tarp tradicijų ir naujovų sudarytoja Ramunė Šmigelskytėstukienė. – Vilnius : Lietuvos istorijos institutas, 2014. – С. 166–183; Gordziejew, J. Socjotopografia Grodna w XVIII wieku / J. Gordziejew. – Torun : Marszalek, 2002. – 341 s.

Румянцева М.Ф. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: источникование, источникование историографии, система видов исторических источников, компаративное источникование, культурное наследие, историческая культура, ренарративизация, постпостмодерн.

Российский историк-методолог, яркий представитель русской версии неокантианства А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) в 1913 г. писал: «Без обращения к историческим источникам человек во многих случаях не мог бы испытывать на себе благотворного влияния и поддерживать преемство той культуры, в которой он родился и непрерывному развитию которой он служит. Вообще, без постоянного пользования историческими источниками человек не может соучаствовать в полноте культурной жизни человечества» [4, т. 2, с. 392].

Цель доклада – сопряжение проблематики двух традиционных масштабных представительных конференций, проводимых Витебским государственным университетом, «Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт» и «Актуальные проблемы источниковедения». Реализация этой цели предполагает, во-первых, акцентирование системообразующих оснований их проблематики и, во-вторых, сопряжение проблематики не вообще, а в системе современной исторической культуры, в которой, как мне представляется, значение источниковедения / источниковедческих навыков для адекватного отношения к культурному наследию возросло многоократно.

Соответственно, нам необходимо:

- ограничить, по хронологии, современную историческую культуру и выявить ее специфику;
- охарактеризовать проблематику освоения культурного наследия;

– выбрать адекватную задаче освоения культурного наследия источниковедческую парадигму;

– и, наконец, предложить сопряжение проблематики освоения культурного наследия и источниковедения в системе актуальной исторической культуры.

Современная историческая культура самым непосредственным образом обусловлена переходом от постмодерна к постпостмодерну в самом начале XXI в. Этот переход характеризуется переходом от глобализации к глокализации и от информационного общества к манипуляционному. И оба эти процесса имеют самое непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме.

Переход от глобализации к глокализации актуализирует интерес к культурам / культурному наследию локальных сообществ, при этом масштабы так называемой «локальности» варьируются от культуры малых народов до культуры мировых цивилизаций.

Переход от информационного общества к манипуляционному во многом обуславливает трансформацию исторической культуры – от увлечения микроисторией, характерной для постмодерна, к ренarrативизации, очевидным образом предоставляющей возможность манипуляции исторической памятью в ситуации постпостмодерна. Начало активного процесса ренарративизации можно датировать, вероятно, серединой 2000-х годов.

Ал. Мегилл (р. 1947), американский историк канадского происхождения, в изданной в 2007 г. в США (и в том же году переведенной на русский язык) книге «Историческая эпистемология» утверждает, что в западной историографии мысль о том, что нарратив не обладает собственной познавательной ценностью, вполне утвердились [5, с. 170, 172], что вполне очевидно обусловлено разработанной еще Х. Уайтом (1928–2018) [10], Ф. Анкерсмитом (р. 1945) [1] и другими методологами идеей неверифицируемости нарратива. Но при этом Ал. Мегилл подчеркивает близкую к подходу источниковедения историографии мысль: «Роль историописания в конфигурировании наших способов видения мира и жизни в нем действительно существенна (то, что подпадает под это понятие <...> я называю «интерпретацией»). <...> историописание связано со временем историка и его читателей...» [5, с. 173]. И далее: «...нарратив оценивается по тому способу, которым он передает, облекая в специфические и яркие образы, некоторые важные аспекты нашего совместного бытия в рамках общественного порядка» [5, с. 175].

Для Российской Федерации акцентируем внимание на двух событиях, маркирующих процесс ренарративизации: создание в 2009 г. Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте РФ (упразднена в 2012 г.); начало в 2013 г. работы над концепцией единой линейки учебников истории России.

При **освоении культурного наследия**, вероятно, можно выделить два подхода – социально ориентированный, базирующийся как раз на нарративной логике историописания, и собственно научный, соответствующий парадигме истории как строгой науке [см. 6, с. 15–16]. Эта проблема через призму концепции Д. Лоуэнталя была мною рассмотрена в докладе на конференции 2021 года [см. 7]. В посмертно изданной в 2008 г. работе «Теория и методология когнитивной истории» О.М. Медушевская (1922–2007) отмечала: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире» [6, с. 16]. И в этом, вероятно, не было бы большой беды, поскольку нарратив, интерпретируя историю, обеспечивает базовую функцию исторического познания – обеспечение идентичности. Но с момента создания О.М. Медушевской концепции когнитивной истории прошло почти двадцать лет.

Процесс ренарративизации в современной исторической культуре, – при понимании неверифицируемости нарратива, – ведет к борьбе/войне нарративов [5, с. 170–254]. И эта война нарративов в последние годы становится все более ожесточенной и захватывает все более широкие слои населения. Если осознать базовую характеристику нарратива,

то станет очевидным, что вмешиваться в эту борьбу с позиции одной из сторон – контрпродуктивно. Что же делать? – Изучать нарратив извне на основе источниковедения историографии, под которой понимается «предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории» [9, с. 209].

На мой взгляд, именно такой подход во многом определяет професионализм историка. Но профессиональные историки в актуальной социокультурной ситуации обязаны не только сами владеть этим методом, но и позиционировать его в публичной истории / в среде заинтересованных дилетантов, вооружая их инструментарием для критической оценки нарративов.

Это тем более важно при целеполагании перейти от «столкновения» цивилизаций к их синергии [2; подробнее см. 8]. Но синергия цивилизаций невозможна без сопоставительного восприятия их оригинального наследия на основе равного уважения к каждой из них. Источниковедение дает инструментарий для решения и этой задачи. Но здесь нам надо выбрать ту парадигму источниковедения, которая как раз и предоставляет такие возможности освоения культурного наследия.

К выбору адекватной поставленной задаче *источниковедческой парадигмы* можно подойти дихотомично и оттолкнуться от двух распространенных в историографии подходов к определению исторического источника. Первое из них по-прежнему весьма популярно, хотя очевидным образом отсылает нас к классической модели науки, изжившей себя уже к концу XIX века: «Применительно к задачам прикладного источниковедения [оставлю без комментария деление источниковедение на прикладное и теоретическое – М.Р.]» можно ограничиться простой определенностью <...> и признать историческим источником всякое явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого общества, все, что может источать историческую информацию...» [11, с. 8].

Альтернативное определение опирается на концепцию исторического источника, сформулированную А.С. Лаппо-Данилевским и развиваемую на протяжении XX – начала XXI в. Научно-педагогической школой источниковедения, восходящей к русской версии неокантианства: «объективированный результат творческой активности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной перспективе» [9, с. 205–206]. Мы видим, что понятие культуры / культурного наследия как ее объективации уже «зашито» в данное определение исторического источника.

И здесь важно подчеркнуть: развитие подходов русской версии неокантианства Научно-педагогической школой источниковедения привело к конституированию источниковедения в качестве самостоятельной (суб)дисциплины исторической науки, имеющей автономный объект изучения – систему видов исторических источников, Система видов исторических источников – это фактически проекция соответствующей культуры, дающая основу как для системного освоения культуры, так и для сопоставительного изучения наследия разных культур [9, с. 206–208].

Таким образом, перед профессиональными историками, – и в профессиональной сфере, и в поле публичной истории, – стоит задача *сопряжения освоения культурного наследия с пониманием, во-первых, видовой структуры корпуса исторических источников как проекции соответствующей культуры*, позволяющей безошибочно (а фактически, без постоянной, часто имплицитной, отсылки к западной культуре) сопоставлять разные культуры [о методе компаративного источниковедения см. 9, с. 226].

К сожалению, инструментарием источниковедения историографии, равно как и методом компаративного источниковедения, владеют даже не все так называемые «профессиональные» историки. Но, на мой взгляд, навык источниковедческого отношения к нарративам и иным презентациям культурного наследия необходимо выра-

батывать если не у школьников (система просвещения), то у студентов (система образования), причем не только историков (для них это неотъемлемая составляющая профессионализма), но и в рамках обязательного для всех получающих высшее образование в Российской Федерации курса «История России».

1. Анкерсмит, Ф. Нarrативная логика: семантический анализ языка историков / Франк Анкерсмит. – Москва : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
2. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 17.09.2025).
3. Казаков, Р. Б. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: эпистемологические основания, институциональное оформление / Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2023. – № 2. – С. 181–192.
4. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : [в 2 т.] / А. С. Лаппо-Данилевский. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 2. – 631 с.
5. Мегилл, Ал. Историческая эпистемология / Аллан Мегилл. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
6. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. – 358 с.
7. Румянцева, М. Ф. Две стратегии освоения культурного наследия / М. Ф. Румянцева // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 22–23 октября 2021 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 155–159.
8. Румянцева, М. Ф. Освоение культурного наследия: стратегии в условиях столкновения/синергии цивилизаций / М. Ф. Румянцева // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной Году мира и созидания. Витебск, 26–27 октября 2023 г. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. – С. 218–221.
9. Теория и методология исторической науки : терминол. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аквилон, 2016. – 543 с.
10. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Хейден Уайт. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 527 с.
11. Шмидт, С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. – Ленинград : Наука, 1985. – Вып. XVI. – С. 3–24.

Сівохін Г.А.
МУЗЕІ-ЗАПАВЕДНІК ЯК СПЕЦЫФІЧНА ФОРМА
ЗАХАВАННЯ СПАДЧЫНЫ. КЕЙС ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА
МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА “ЗАСЛАЎЕ”

Ключавыя слова: гістарычна-культурныя каштоўнасці, музеі-запаведнікі, Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе”, горад-музей, гістарычна і культурная спадчына, Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў Рэспублікі Беларусь, музеевіфікацыя археалагічнай спадчыны.

Адным з найбольш амбітных праектаў у галіне гістарычнай спадчыны за часамі БССР, які пры гэтым уключай у сябе музейны складнік, было стварэнне ў канцы 1960-х – пачатку 1970-х чатырох гістарычна-археалагічных запаведнікаў, якія ў той ці іншай ступені мусілі быті ўключаны гістарычныя часткі старадаўніх беларускіх гарадоў: Гродна, Пінск, Полацк і Заслаўе. Апошнія не выпадкова трапілі ў пералік такіх гістарычных тэрыторый – Заслаўе было ўключанае ў лік важнейшых гістарычных і археалагічных помнікаў з самых першых спробаў кадыфікацыі спадчыны ў БССР: яшчэ ў 1926 г. помнікі Заслаўя – царква Раства, царква Перамянення (Замкавая) і Заслаўскае замчышча, – пастановай Савета Народных Камісараў БССР ад 05.07.1926 “Аб аў'яўленні дзяржаўнай уласнасцю помнікаў старажытнасці, мастацтва, побыту і прыроды” былі ўключаныя ў спіс помнікаў Мінскай акругі [1].

Пастановай Савета Міністраў БССР ад 19.12.1950 зацверджаны пералік археалагічных помнікаў рэспубліканскага значэння на тэрыторыі БССР, куды былі ўключаны і заслаўскія старажытнасці. Ужо існы спіс помнікаў быў пашыраны коштам некалькіх курганных груп [20].

На тэрыторыі гістарычнай часткі г. Заслаўя сёння размешчаныя наступныя гісторыка-культурныя каштоўнасці [9]: гістарычны цэнтр X–XVIII стст., касцёл нараджэння Найсвяцейшай Панны Марыі XVIII ст., музеевіфікованыя экспазіцыйныя